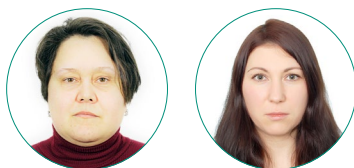

DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2270](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2270)

Е. Ю. Костина, Н. А. Орлова

О ЭТОТ НОВЫЙ СТАРЫЙ МИР, ИЛИ КАК COVID-19 ТРАНСФОРМИРОВАЛ НАШУ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Правильная ссылка на статью:

Костина Е. Ю., Орлова Н. А. О этот новый старый мир, или Как COVID-19 трансформировал нашу повседневность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 11—36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2270>.

For citation:

Kostina E. Y., Orlova N. A. (2022) Old New World, or How COVID-19 Has Transformed Our Everyday Life. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 11–36. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2270>. (In Russ.)

Получено: 30.06.2022. Принято к публикации: 07.11.2022.

О ЭТОТ НОВЫЙ СТАРЫЙ МИР, ИЛИ КАК COVID-19 ТРАНСФОРМИРОВАЛ НАШУ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

КОСТИНА Елена Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-MAIL: kostinaeu2000@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4482-9497>

ОРЛОВА Надежда Александровна — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

E-MAIL: nadinorlo@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

Аннотация. Сегодня неотъемлемой частью нашей повседневности стали изменения, вызванные пандемией COVID-19. Реалии «нового» мира повлияли на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе на управление временем и пространством, так как в «дом» вторглись учеба, работа, досуг — то, что ранее было прерогативой образовательных и рабочих площадок и общественных мест. Данная статья посвящена изучению изменений повседневных практик студенческой молодежи в различные периоды пандемии COVID-19, а также анализу отношения студентов к произошедшим изменениям через призму полученного ими опыта.

Реализованное авторами исследование состояло из серии полуформализованных интервью и было построено по принципу критериального отбора

OLD NEW WORLD, OR HOW COVID-19 HAS TRANSFORMED OUR EVERYDAY LIFE

Elena Yu. KOSTINA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities

E-MAIL: kostinaeu2000@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4482-9497>

Nadezhda A. ORLOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Social Sciences, School of Arts and Humanities

E-MAIL: nadinorlo@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1892-0097>

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Abstract. By now, the changes caused by the COVID-19 pandemic became an integral part of our everyday life. The realities of the «new» world had influence on all spheres of human activity, including time and space management, because studies, work, and leisure that before had been the prerogative of educational and work areas and public spaces, invaded our homes. This article studies the changes in the daily practices of student youth during various periods of the COVID-19 pandemic and analyzes the attitude of students to the changes that have taken place through the prism of their experience.

The empirical base of the study consisted of a series of semi-formalized interviews. The informants were sampled based on the following criteria-based filters: the informant is a full-time student of higher education aged 18 years or older. The

информантов. Критериальные фильтры выборки подразумевали, что информант обучается в высшем учебном заведении на очной программе и является совершеннолетним. Опрошенные представляли различные высшие учебные заведения России. Данное исследование является панельным и предполагает участие в серии интервью одних и тех же информантов. Полевые работы были проведены весной в 2020 и 2021 гг.

В результате анализа собранных данных было показано, что проблемы адаптации к изменившимся во время пандемии социальным условиям были многофакторными, уменьшались по ходу разворачивания пандемии, а студенты адаптировались к ним. Представлены оценки и изменение их содержания относительно возможности и необходимости возврата к «старому» укладу жизни, «плюсов» и «минусов» произошедших трансформаций. Особое внимание в ходе анализа было уделено вопросам инклюзии/эксклюзии, в частности, определенной вынужденной модификации форматов общения, нахождения в ситуации социального вакуума и выхода из него, а также в целом изменениям психоэмоционального состояния. Кроме того, информанты обозначили сильные и слабые стороны цифрового взаимодействия в контексте образовательного процесса: выявлено амбивалентное отношение к очной и дистанционной формам обучения.

Ключевые слова: пандемия, повседневные практики, трансформация, неопределенность, социальное пространство, социальное мышление, студенческая молодежь

informants represented different higher educational institutions of the Russian Federation. The study implied panel design and supposed participation of the same informants in a series of interviews. Field work was carried out in the spring in 2020 and 2021.

The authors show that that the problems of adapting to social conditions that changed during the pandemic were multifactorial. They became less pressing as the pandemic unfolded and students adjusted to the changes. The assessments and changes in the content of these problems are presented regarding the possibility and necessity of returning to the “old” lifestyle together with the pros and cons of the transformations that have taken place. In the course of the analysis, the authors paid special attention to the issues of inclusion/exclusion, in particular, concerning a certain forced modification of communication formats, being in a situation of social vacuum and getting out of it, as well as changes in the psycho-emotional state in general. Besides, the informants specified the strengths and weaknesses of digital interaction in the context of educational process and brought out an ambivalent attitude to full-time intramural and on-line education.

Keywords: pandemic, everyday practices, transformation, uncertainty, social space, social thinking, student youth

Любая пандемия в истории заставляла людей или порвать с прошлой привычной жизнью и заново сконструировать свой мир, или приводила к гибели. Пандемия COVID-19 не стала исключением, заставив человечество проделать работу над ошибками и перестроить устоявшиеся модели поведения. Исследователи фиксировали изменения, происходившие в разных областях человеческой жизнедеятельности на пике пандемии в 2020 г. и позже в 2021—2022 гг., когда коронавирус еще не был побежден, но человечество в целом научилось с ними жить. Пандемия COVID-19 оказала влияние на все сферы общественной и частной жизни, спродуцировав резкое изменение норм социального взаимодействия, сложившаяся ситуация стимулировала исследователей из разных областей знания изучать происходящие трансформации в социальных процессах. Можно выделить несколько блоков вопросов, интересовавших исследователей: последствия пандемии для экономики [Kolotak, 2020]; стратегии занятости населения и той его части, над которой нависла угроза увольнения [Андреева, Лукьянова, 2021] или кардинальных изменений условий труда [Климов, Климова, 2021]; миграционные процессы, на которые существенное влияние оказали ограничения международного и межрегионального транспортного сообщения, а также закрытие некоторых сфер деятельности [Храмова, Маньшин, 2021; Денисенко, Мукомель, 2020, 2021]; вопросы формирования общественного мнения относительно порождаемых пандемией событий [Казун, Казун, 2020; Решетников и др., 2020; Архипова и др., 2020] и, как следствие, доверия населения к различным социальным институтам [Тартаковская, 2021].

Отдельное направление исследований занялось изучением массового перехода учебных заведений к дистанционному формату обучения, так как прямо или косвенно в него было вовлечено огромное количество людей: не только обучающиеся, преподаватели и администрация учебных заведений, но и их родные, близкие и т. д. Безальтернативность такого перехода была болезненной для многих. Так, проведенный Алексеем Обуховым и Марией Томилиной анализ развития образовательных технологий в допандемийной России показывает, что в основном они использовались в дополнительном образовании [Обухов, Томилина, 2021]. Соответственно, большинство преподавателей не обладало достаточными знаниями и навыками для переноса занятий в онлайн-среду без потери качества образования, что не могло не сказаться на эмоциональном состоянии профессорско-преподавательского состава [Чернова, Шпаковская, 2021; Крокинская, 2021]. Отдельно стоит отметить ситуацию перехода на «дистант» в высшей школе, так как к указанным выше проблемам добавлялись специфические: обучение не всем специальностям возможно в удаленном формате; большинство студентов в крупных городах являются иногородними, а следовательно они или оказались закрытыми в общежитиях, или вернулись в свои населенные пункты, находящиеся в разных регионах России и странах, что не могло не сказаться на качестве образования [Алешковский и др., 2021; Тюменцева, Харламова, Годенко, 2021; Гафуров и др., 2020; Грунт, Беляева, Лисситса, 2020]. Коронавирусные ограничения спровоцировали цифровизацию не только учебной деятельности студентов [Фролова, Рогач, 2021], но и других сфер их жизни [Андреевкова, 2020]. Стоит выделить исследования, посвященные студентам-медикам и волонтерам, оказавшимся на передовой борьбы с вирусом [Певная и др., 2021; Bender, Florentine, Isralowitz, 2021]. Понимая, что система выс-

шего образования после всего пережитого не может остаться прежней, исследователи предпринимали попытки спрогнозировать направления изменений в сфере высшего образования после пандемии [Болгова и др., 2021; Бегалинов, Ашилова, Бегалинова, 2021], а также формирование новых социальных норм внутри университетов [Крушельницкая и др., 2021].

Пандемия COVID-19 в один момент столкнула макро- и микромиры человека, изменив повседневную жизнь каждого и оказав «разновекторное влияние на процессы социальной и индивидуальной жизни» [Леонтьева, Леонтьев, 2021: 7]. Пандемии и иные социальные события, порождавшие вынужденные социальные трансформации, были и ранее, однако они отличались меньшей скоростью изменений, а главное — никогда не носили столь глобальный характер, ведь невозможно найти ни один уголок света, на который бы пандемия COVID-19 не оказала влияния. В таких условиях почти все население земного шара было вынуждено менять свои повседневные практики. Почти ни один социальный процесс не сохранил свой статус-кво: одни были вынуждены ускоряться (информационные технологии), другие — трансформироваться (образование), а третьи замедлились или вообще были поставлены на паузу (путешествия, отдых и культурный досуг). И все это оказывало сильнейшее влияние на повседневные практики человека, меняя его социальное пространство и мышление.

Относительно анализа ситуации с COVID-19 по истечении двух лет пандемии представляется, что если заимствовать предложенное Славоем Жижекком наложение пяти стадий принятия информации о смертельной болезни по Элизабет Кюблер-Росс [Žižek, 2020], то первые четыре во многом остались в 2020 г. Именно тогда все в той или иной степени отрицали возможные масштабы распространения пандемии по миру; гневались на «неэффективные» меры государственного реагирования; вступали в своеобразный торг со смертью относительно того, что смертность от вируса невелика и здоровым людям заболевание не несет неминуемой гибели; устав от обилия информации в пандемийной новостной ленте, впадали в депрессии и не видели просвета. На сегодняшний день сложилось полное принятие ситуации: сформировалась привычка, что в сумке или кармане обязательно должна быть маска («так, на всякий случай, может и не понадобится, но пусть будет»); наличие санитайзеров на фудкортах или при входе в публичные здания воспринимается как обыденность; население с готовностью прибегает к дистанционным форматам работы или учебы, когда это проще и удобнее для всех. За относительно небольшой промежуток времени был накоплен огромный опыт, который еще предстоит изучить, так как со временем оценка ситуации меняется. А действительно, с каким «багажом» мы преодолели прошедший отрезок пути с COVID-19? Чему научились? Что сохранили, а в чем изменились? Эти вопросы в данной работе рассматриваются авторами в качестве исследовательских и в дальнейшем раскрываются через цель исследования.

Описание исследования

Сложившаяся в мире вследствие распространения COVID-19 ситуация, интенсивно и противоречиво изменяющаяся в ограниченных временных рамках и, как следствие, преобразующая жизнь людей и их стратегии, актуализировала запрос

на проведение исследований в области повседневных практик личности и групп с учетом различных периодов пандемической реальности.

В соответствии с этим была определена цель исследования — выявить изменения обыденных практик студенческой молодежи в условиях пандемической реальности на основных «площадках» повседневности через призму их мнений, оценок и полученного опыта. По мнению авторов, достижению поставленной цели способствует использование лонгитюда, поскольку поэтапная модель сбора данных дает возможность получить срез мнений представителей студенческой молодежи в разные периоды пандемии коронавируса, а также проследить особенности этих изменений на индивидуальном уровне.

При проведении лонгитюда авторы отталкивались от качественного исследовательского дизайна: реализуемое исследование состояло из серии полуструктурированных интервью и было построено по принципу критериального отбора информантов. Критериальные фильтры выборки следующие: 1) наличие статуса студента высшего учебного заведения, 2) обучение на очной форме и 3) возраст не младше 18 лет (критерий совершеннолетия). Студенты представляли различные высшие учебные заведения Российской Федерации¹.

Выборка формировалась как комбинированная с использованием метода доступных случаев и последующим дополнением кейсами методом «снежного кома». Полевые работы были реализованы весной в 2020 и 2021 гг. Первая волна исследования проводилась в ситуации вхождения в пандемию: нарастающего распространения коронавируса и введения различных ограничительных мер в связи с COVID-19, в том числе масочного режима, режима самоизоляции и т. п. Итоговый объем выборки на первом этапе (апрель — май 2020 г.) — 155 информантов (42 мужчины и 113 женщин). Вторая волна исследования проходила с интервалом в один год (апрель — май 2021 г.), выборка составила 54 информанта (17 мужчин и 37 женщин), что позволило достаточно полно оценить основные последствия, произошедшие после начала пандемии COVID-19 (в течение данного периода изменялась эпидемиологическая обстановка, а меры по борьбе с коронавирусом как ужесточались, так и ослабевали, что в свою очередь оказывало влияние на повседневные практики исследуемых). Разница в объеме выборки объясняется тем, что часть информантов перестала соответствовать критериям отбора (завершили обучение), другие же отказались от повторного участия в исследовании. В статье анализируются интервью 54 информантов, принявших участие в обеих волнах исследования, что позволяет отследить трансформацию оценок и суждений относительно изменений, произошедших в их жизни под воздействием пандемии коронавируса.

¹ Дальневосточный государственный университет путей сообщения; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ); Байкальский государственный университет (БГУ); Дальневосточный федеральный университет (ДФУ); Морской государственный университет им. Адмирала Г. И. Невельского; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС); Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет (Дальрыбвтуз); Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (СВФУ); Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин); Владивостокский филиал Российской таможенной академии; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета (МИЭЛ ИГУ); Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ); Тихоокеанский государственный медицинский университет (ТГМУ).

Гайд интервью был структурирован тематически и включал блоки, касающиеся: оценки произошедших в повседневной жизни изменений; анализа трансформаций в различных сферах жизнедеятельности; оценки отношения к принятым мерам безопасности; а также отношения и готовности заниматься волонтерской деятельностью. В предлагаемой работе внимание по большей части сосредоточено на анализе изменений в практиках студенческой молодежи на основных «площадках» их повседневности в период пандемии: внутри семьи, в учебной и трудовой деятельности, на уровне социального взаимодействия и мобильности. В связи с изменениями, произошедшими за годовой интервал между двумя интервью (например, отмена режима самоизоляции), некоторые вопросы были исключены из гайда или же были модифицированы. Полученные данные анализировались в сравнении и с привязкой ко времени проведения интервью.

После транскрибирования аудиозаписей интервью работа с расшифровками велась в программе MAXQDA. Продолжительность взятых интервью составила от 30 до 80 минут. Все интервью были профессионально расшифрованы и по крайней мере один исследователь слушал аудиозаписи каждого интервью, одновременно читая стенограммы, чтобы проверить точность последних и погрузиться в опыт информантов. Для анализа интервью использовалась методика тематического кодирования в соответствии с логикой гайда по заранее созданной кодировочной книге. Все интервью кодировались исследователями автономно друг от друга. В ходе анализа кодеры регулярно обсуждали прогресс и достигли высокого уровня согласованности кодирования.

Самоизоляция глазами информантов

Транскрибирование полученных в ходе интервью ответов и их последующий анализ позволили определить индивидуальное понимание самоизоляции информантами. Значимым трендом стало описание самоизоляции с использованием спектра негативных характеристик. Основные ассоциации, возникшие у опрошенных, — «тюрьма», «клетка», «ограничение».

Ограничения моих социальных контактов, привычного для меня образа жизни. (Ж., 2020)

Ограничение внешнего мира, как будто тебя заперли. (М., 2020)

Отшельничество, отречение от того, что мне важно, что мне дорого. (Ж., 2020)

Это тюрьма, только не такая серьезная. Ну, то есть как клетка, не знаю. То есть у тебя все в ней есть, но выйти ты не можешь. (М., 2020)

Решетка, темница. (Ж., 2020)

Это тюрьма в домашних условиях. (Ж., 2020)

Не хватает также свободы действий, нельзя сходить туда, куда ты хочешь, да и в принципе, нельзя никуда сходить, кроме магазина. (Ж., 2020)

В высказываниях прослеживается и описание самоограничения при помощи отрицательно окрашенных эмоций или настроения: «скука, скука смертная» (Ж., 2020); «ощущение одиночества, страх» (Ж., 2020); «ужас, неприятность, непонятность» (М., 2020); «грусть, печаль и тоска, скорее бы она закончилась» (Ж., 2020). Также высказывается мнение об общем регрессе: «самоизоляция — это деградация» (М., 2020), «скоро моя деградация выйдет вообще на новый уровень» (Ж., 2020).

Часть информантов рассматривали самоизоляцию как некоторую меру предосторожности, как возможность уберечь себя, своих близких и других окружающих от распространения вируса.

Это вынужденная мера для того, чтобы вирус не распространялся так быстро. (Ж., 2020)

Это, в первую очередь, когда человек сидит дома и не подвергает опасности себя и людей вокруг себя, понимают свою ответственность перед людьми вокруг, перед своими близкими и перед самим собой. (Ж., 2020)

Это социальная ответственность. (Ж., 2020)

В своих высказываниях некоторые информанты отметили положительные стороны сложившейся ситуации:

Для меня самоизоляция — это урок правильного использования свободного времени. (М., 2020)

Это отдых. (Ж., 2020)

Возможность ничего не делать, не выходить из дома, балдеть. (М., 2020)

Возможность научиться чему-то новому. (Ж., 2020)

Это как открыть дверь в себя и увидеть, нормально ли у тебя все с самим собой или нет. И конкретно у меня, ну, мало что поменялось. Я в один определенный момент нашел у себя единство с собой и в целом могу передать это все без утрат, вот... Поэтому так. (М., 2020)

Это, наверное, такое событие — не в смысле праздник, а как действие/этап жизни, когда можно понять, кто и что действительно для тебя важно, а что в повседневной жизни было простым заполнением свободного времени. (Ж., 2020)

Высказывания относительно возможной мобильности в 2020 г. в большинстве своем были связаны с ограничением локальных передвижений (магазин, кафе, кинотеатр, прогулки), что непосредственно диктовалось жесткими требованиями соблюдения самоизоляции.

Я готова отдать душу, чтобы сейчас были открыты все магазины, и я могла пройтись и удовлетворить свою потребность в этом. (Ж., 2020)

Нельзя никуда сходить вот именно в места общей посещаемости, кофе попить, по магазинам сходить. Не хватает прогулки по городу, по набережной. (Ж., 2020)

Мне не хватает возможности выйти погулять или покататься на лонгборде по набережной, выйти в торговый центр прогуляться или что-то купить, сходить в кино, пойти в открытое общественное пространство без шансов нарваться на штраф. (М., 2020)

В 2021 г., когда произошло смягчение ковидного режима, информанты в контексте изоляции стали говорить уже о невозможности межстрановых перемещений, в частности, путешествий за границу: «как раз собирались куда-нибудь слетать, в Корею может, а тут все закрыто, никуда нельзя» (Ж., 2021), «границы, конечно, когда-нибудь откроются... надеюсь» (Ж., 2021).

Таким образом, все предложенные ассоциации, возникающие у информантов в отношении самоизоляции, можно условно разделить на *позитивные*, представленные высказываниями о возможностях познать себя, отдохнуть или научиться чему-то новому, *нейтральные*, содержащие осмысления самоизоляции с точки зрения мер предосторожности как определенной необходимости, сопряженной с угрозой для здоровья, и преобладающие над остальными — *негативные*, корпус которых представлен утверждениями, связанными с жесткими лимитациями в различных сферах жизнедеятельности.

Социальное пространство: основные характеристики изменений

Разрушение устоявшихся порядков и норм жизни началось с трансформации социальных пространств, которыми люди привыкли пользоваться. Так, закрытыми оказались аэропорты, коммерческие помещения, школы, университеты, места досуга, спортивные сооружения. Физически социальные пространства стали недоступны человеку, опустошали их не только запреты, но и страх перед другими, которые могли нести угрозу здоровью человека. Все это приводило к поиску альтернатив. «Перестройка» образа жизни коснулась и тех, кто продолжал ежедневно ездить на работу, и тех, кто был вынужден изолироваться дома. Стоит отметить, что ограничение свободы передвижения и использования социальных пространств особенно тяжело воспринималось жителями больших городов, для которых мобильность и передвижение по городу составляли значимую часть обычного дня. Традиционное социальное пространство городов трансформировавшись, стало восприниматься неоднозначно: привычное стало рассматриваться как несущее угрозу, что привело к необходимости переосмысления взглядов на городское благоустройство [El Khateeb, Shawket, 2022] и социальные нормы [Крушельницкая и др., 2021], на первый план вышла необходимость создания баланса между социальным дистанцированием и социальным взаимодействием в городской среде [Askarizad, He, 2022].

Почти каждый, кто пережил ситуацию самоизоляции, в первую очередь отмечают, что изменилось социальное пространство, когда разные его статусы и роли встретились в одном и том же месте, ведь до пандемии и самоизоляции у человека были разные физические пространства для реализации своих потребностей (дом, работа, магазин, культурные заведения и т. д.). В период пандемии все они ока-

зались сжаты в одной комнате, за одним столом, где люди и работали, и учились, и совершали покупки, и смотрели кино, и занимались спортом. Это было сложно понять и принять, так как физически человек оставался все в том же пространстве и не совершал «перехода» из одного в другое.

Одной из проблем в связи со сложившейся ситуацией стала необходимость и наличие/отсутствие возможности реорганизации домашнего пространства в контексте границ домашнее-рабочее место.

Я не могу нормально заниматься, так как мои младшие братья учатся в школе, и они также учатся удаленно. У меня не очень обеспеченная семья, и на всех не хватает гаджетов. Мы пытаемся учиться как-то по очереди, но это не всегда удается. (Ж., 2020)

Дистанционное обучение, как и удаленная работа, не изобретение пандемии, но люди, прибегавшие к ним ранее, понимали, как это устроено и как грамотно выстроить собственную деятельность в данных условиях. COVID-19 не дал большинству людей времени для такой подготовки. Неписанные правила успешной удаленной работы гласят: используй специальную одежду, работай в конкретном месте и времени, отстраняйся от происходящего вокруг. И, конечно же, все они были нарушены осознанно или случайно, что привело к смешению различных пространств в одном физическом, а следовательно, породило неприятие сложившейся ситуации и нежелание выполнять привычные ранее виды деятельности.

Раньше нам говорили, что это плохо всегда сидеть в интернете, компьютере, в телефоне, а сейчас это нас обязывают делать, и мы ничего не можем с этим поделать. (М., 2020)

Спустя год «удаленки» информанты отмечают, что научились разводить границы разных видов деятельности в пространстве одной комнаты:

Изменения, наверное, затронули мою жизнь, потому что какую-то часть ее я посвятил обучению в дистанционном формате, и это заставило меня выработать в себе навык того, что в определенные моменты дома я нахожусь в расслабленном состоянии, но в какие-то я подключаю рабочие процессы и начинаю заниматься делами. Это было очень круто, и мне сейчас полезно. Я знаю, когда я могу и хочу сделать так, чтобы я начал работать. (М., 2021)

Открылись новые возможности в использовании технологий, я научилась работать во многих программах. (Ж., 2021)

Денис Подвойский и Анастасия Спиркина отмечают, что новые фреймы дистанционного образования будут восприниматься как расширенные по сравнению с традиционным очным или угрожающими границам личной жизни [Подвойский, Спиркина, 2021: 335—336]. В этом случае присутствие на занятии в роли «черного квадрата» с выключенными камерой и микрофоном позволяет делать это формально, но заниматься в то же время другими делами, что было бы невозможно в очном формате.

Ты можешь выбрать все что угодно и заниматься параллельно с лекцией, чем ты хотел. (Ж., 2020)

Не мозолить глаза преподавателю тем, что ты его не слушаешь. (Ж., 2020).

Когда у тебя два экрана: на одном у меня одно, а на другом экране у меня... учеба. Ну, и постоянно на что-то отвлекаюсь — там, кошка, гитара... (М., 2020).

Не стоит также забывать, что камера и микрофон являются и входом в личную жизнь человека: остальным на занятии становятся известны особенности межличностных взаимоотношений и организации быта человека, то есть всего того, что не принято открыто демонстрировать:

Худшая сторона всего этого — это то, что во время пар иногда бывают дома родители и мне некомфортно. (М., 2020)

Родительский дом: общение и отношения в замкнутом пространстве

Отдельно стоит отметить, что весной 2020 г. многим студентам пришлось вернуться из общежития в отчий дом. Далеко не всем это далось легко, так как за время самостоятельной жизни многие успели привыкнуть к режиму и порядкам, отличающимся от принятых в родительском доме. Такой своеобразный откат привел к тому, что некоторые были вынуждены привыкать к новым «замкнутым» условиям и подстраиваться под них, пересматривая свое отношение к сложившейся ситуации, а иногда и прерывать взаимодействие с родными.

Знаешь, это возможность проверить своих близких на прочность. Ну, когда вы все находитесь в одном помещении, и посмотреть, кого на это будет бомбить. (Ж., 2020)

Мы сидим с семьей, сколько уже вместе... Две недели или три. Мы уже друг другу просто надоели, мы родителям и родители нам. Начали проявляться недостатки друг друга. Сначала это можно было как-то не замечать. Если в повседневной жизни вы мало встречаетесь и не замечаете этого, то сейчас это все уже действует на нервы. Но сейчас вроде бы это пошло на спад, и все опять примирились друг с другом. (Ж., 2020)

Университет, оказывается, большúю роль играл в жизни. В том плане, что там можно было отдохнуть от дома, от родителей. Я раньше меньше времени проводил с родителями, было хорошо, а сейчас как-то тяжело, давление дома со стороны родителей. (М., 2020)

В связи с тем, что на кампусе ввели меры в связи с коронавирусом и многие мои друзья уехали домой, я решила тоже съездить домой. К сожалению, но живя уже два года в общежитии, отвыкаешь от жизни с родителями. Тебе приходится учиться взаимодействовать с родными заново, понимать, что теперь ты не один, а с семьей, и им нужна твоя помощь. Первую неделю я привыкала, очень сильно ругалась с мамой, но потом научилась отпускать ситуацию. Поняла, что лучше сдаться, чем вести борьбу непонятную и глупую. (Ж., 2020)

Данный опыт для многих информантов оказался довольно травмирующим, он не ограничился парой недель адаптации и «притирки» друг к другу: даже спустя год после официального начала пандемии они указывали на это.

Я думал, что мне достаточно комфортно будет больше находиться дома, меньше тратить времени на поездки до университета, но, как оказалось, слишком долго находиться здесь тяжело, тем более что у меня напряженные отношения с матерью. Слишком частое нахождение в одном помещении угнетает. Квартира небольшая, контакт очень тесный, и меня начинают раздражать любые мелочи. (М., 2021)

Когда началась дистанционка, я приехал домой и сначала был рад — «Ура! Мать, отец». А потом такой люлей получил пару раз, и я понял, что надо уезжать. Гнилая обстановка началась опять. (М., 2021)

Общение в период пандемии: новые и старые форматы

Тем не менее, несмотря на вынужденную изоляцию с точки зрения физического пространства, люди вне зависимости от территориальных границ оказались в ситуации тесной взаимосвязи.

А вот общение с друзьями изменилось: мы ограничили общение в жизни друг с другом, общаемся только по социальным сетям. Я думаю, что в это время мы стали общаться даже больше. (Ж., 2020)

Отдельно хотелось бы отметить, что в условиях пандемии COVID-19 интернет выступил чуть ли не единственным «мостиком» между человеком и его ранее привычными повседневными практиками, ведь именно он позволял работать, учиться, проводить досуг и просто общаться. Общество столкнулось с новым основанием для социального неравенства: так, если человек до обсуждаемых событий не владел информационными технологиями или компьютером/ноутбуком, то сразу же сталкивался с ограничениями в доступе к тем или иным видам социальной активности и благам. Человек социален — ему нужен другой человек, необходимо общение и поддержание социальных связей. Конечно же, оказавшись закрытыми дома на локдауне и удаленной учебе/работе, люди не перестали общаться, однако форматы этого общения изменились.

Форматы на самом деле уже давно используемые и всеми любимые — социальные сети, мессенджеры и так далее. Может быть, дополнительно к этому добавляются какие-нибудь видеозвонки, если хочется прям поболтать или что-то такое. На самом деле, в принципе, ничего такого необычного нет, потому что это давно для всех привычно — общение в социальных сетях. Просто сейчас этого стало больше, а очных контактов как раз меньше. (Ж., 2020)

Статистические данные свидетельствуют, что онлайн-трафик на платформах удаленной работы в России в период с апреля 2020 г. по апрель 2021 г. демонстри-

рвал стабильную динамику роста², отражая постепенное принятие населением онлайн-платформ как своеобразных посредников во взаимодействии в обучении, профессиональной деятельности и межличностной коммуникации.

Мне кажется, изменилась вся моя повседневность, все мои ежедневные дела. У меня ощущение, как будто моя жизнь перешла в онлайн-среду. Я все время сижу за компьютером, только его и вижу. Я в основном общаюсь со всеми онлайн: с преподавателями, с друзьями, с клиентами. У меня и работа онлайн, и учеба, и все остальное. Пандемия затронула всю мою жизнь, я сама стала как пандемия. (Ж., 2021)

Социальные сети и мессенджеры стали реальной отдушиной, посредством которой можно было узнать о самочувствии близких людей, оказать эмоциональную поддержку, а также обменяться информацией с любой целью. Анна Андрееенкова отмечает, что данные каналы связи активно использовали люди всех поколений [Андрееенкова, 2020], а молодежь, «родившаяся с гаджетами», и не заметила изменения привычного формата общения. Однако это не так. Почти все информанты в 2020 г. говорили, что именно очного общения с друзьями, одноклассниками и преподавателями им не хватает больше всего.

Для меня сейчас очень сложно общаться с людьми по социальным сетям или по видеозвонкам, потому что это не передает той теплоты или эмоций, которые ты испытываешь при личном контакте с человеком. (Ж., 2020)

Мне больше всего не хватает физического общения с людьми — живого, чтобы я видел человека, видел его реакцию, замечал какие-то моменты. Просто проводил рядом с человеком время и чему-то учился, что-то отдавал, но чтобы ты был рядом с человеком, вот... (М., 2020)

Больше всего не хватает именно живого общения. Видеосвязь не заменяет живого контакта все-таки. (Ж., 2020)

Действительно, если ты знаешь, как совершить видеозвонок, это еще не означает, что данный канал общения является наиболее предпочтительным. Информанты указывали, что вынуждены таким образом поддерживать связь, но очень соскучились по личному общению офлайн. Очное общение для многих из них в 2020/2021 учебном году заиграло новыми красками.

Сейчас я стала больше общаться с ребятами из универа. Раньше как-то их сторонилась, а сейчас понимаю, что отличные ребята. (Ж., 2021).

Временной интервал между волнами нашего исследования составил один год, который для студентов очной формы обучения прошел под тенью «дистанта».

² Monthly Traffic on Remote Working Platforms in Russia from April 2020 to April 2021, by Platform (in 1.000s) // Statista. 2021. May. URL: <https://www.statista.com/statistics/1117646/russia-traffic-on-remote-working-platforms/> (дата обращения: 22.11.2022).

Изначально 2020—2021 учебный год стартовал в большинстве вузов в смешанном формате, когда часть дисциплин велась онлайн, а группы регулярно закрывали на карантин и полностью переводили на дистанционный формат обучения. Кроме того, страх заразиться еще был довольно силен, и многие студенты сами старались минимизировать свои личные контакты. Информанты указывают, что за этот год взаимодействия через электронных «посредников» незаметно для себя существенно «прокачали» навыки общения через социальные сети. Эти изменения вызывают у них разные эмоции: кто-то гордится своими успехами, другие же отмечают негативные последствия такой уже повседневной межличностной коммуникации.

Я стала общаться больше, типа всегда на связи, всегда онлайн. (Ж., 2021)

Взаимоотношения с людьми я предпочитаю очные, но сейчас мне стало проще поддерживать общение в сети. (Ж., 2021)

Сейчас я могу общаться как лично, так и в социальных сетях, хотя в прошлом году это была непривычная практика для меня. (Ж., 2021)

Иногда казалось, что все заняты, не хотелось им мешать, и я писала в Twitter очень много в этот период. Там как раз нашла девушку, которая тоже была в том городе одна, мы с ней договорились встретиться, поболтать. Это очень сильно выходит за рамки моей зоны комфорта, крутой опыт для меня. (Ж., 2021)

Я стал меньше общаться в жизни и больше в интернете, но у этого есть и положительные стороны: раньше я хуже общался в социальных сетях и мессенджерах, не так легко и хорошо настраивал контакт, сейчас все стало гораздо проще, я будто бы натренировался. (М., 2021)

Во время изоляции общение сузилось до малого круга друзей. Это привело к ослаблению социальных навыков, стал больше заикаться. Но подобные изменения быстро прошли. (М., 2021)

В целом в интервью второй волны исследования информанты отмечали, что вернулись к привычному формату общения, при этом акцентируя внимание на определенной переоценке своего выбора онлайн- или офлайн-коммуникации:

Я и раньше много переписывалась, но сейчас ценю и общение традиционное, лицом к лицу, как будто хочется наверстать за все упущенное время. Да и видеть лица близких живую всегда приятно. (Ж., 2021)

Стараюсь по возможности общаться лично. (Ж., 2021)

Надеюсь, такая ситуация больше не повторится в моей жизни, и наше общение с родными и близкими всегда будет только очное и без каких-то дополнительных отягощений. (Ж., 2021)

«Новая нормальность» образовательных практик студенческой молодежи

Трансформация образовательных практик в начале пандемии COVID-19 стала довольно болезненным процессом для всех сторон, в него вовлеченных, так как у вузов было всего несколько дней «каникул», чтобы оценить свои возможности и разработать собственную стратегию реализации образовательного процесса в условиях удаленной учебы. И в данной ситуации особенно заметной оказалась разница в материально-технических возможностях и готовности профессорско-преподавательского состава к изменениям, так как спектр практик реализации дистанционного обучения был различным: начиная с отправки конспектов и заданий на почту, что предполагает полностью самостоятельное обучение студентов, и заканчивая полноценными занятиями по расписанию в синхронном формате. Конечно же оценка организации и качества образования студентами весной 2020 г. в основном была негативная:

На дистанционном обучении очень неудобно обучаться. (Ж., 2020)

Стало сложнее учиться, так как материал усваивать сложнее через дистанционную среду. (М., 2020)

Значительно ухудшилось усвоение материала образовательной программы, пропадает мотивация, что ли... (Ж., 2020)

К основным положительным моментам информанты отнесли расширение возможностей образовательного поля и определенный уровень комфорта в сфере быта, логистики и работы [Костина, Орлова, 2022].

После завершения «шокового» весеннего семестра 2019/2020 учебного года у вузов было лето, чтобы провести работу над ошибками и подготовиться к возможным неожиданностям в следующем учебном году. Если отталкиваться от ответов информантов, с этим они справились отлично, так как осуждение дистанционных форм образования сменилось их желательностью для студентов.

Хоть и сидела много времени за компьютером, но смогла подтянуть учебу. Вот многие говорят, что качество обучения снижается, но мне так не показалось. Много отводится самообучению, но мне так даже удобнее. (Ж., 2021)

Полностью очный формат уже не хочу, мне не нравится. (М., 2021)

Я живу в черте города, мне удобно несколько раз в неделю ездить в универ, а несколько дней учиться из дома на ноутбуке, ну или не из дома. (М., 2021)

Мне нравится, когда лекции онлайн: их можно записать, отложить на потом или заниматься каким-то делом параллельно. А практики желательно, конечно, проводить очно. (Ж., 2021)

Работа и доход

Повседневные практики базируются в том числе и на доходе человека. Пандемия, к сожалению, поставила многие сферы деятельности на грань банкротства, что

привело к сокращению кадров. Многие семьи были вынуждены пересмотреть свои бюджеты, чтобы перенаправить имеющиеся средства. Боязнь безденежья, по данным Надежды Дулиной и Евгении Ануфриевой, выступила самым большим страхом горожан — даже больше, чем боязнь заразиться коронавирусом [Дулина, Ануфриева, 2021]. У населения возросли траты, связанные с покупкой медицинской техники и препаратов, а также с обеспечением высокоскоростного интернета. Результатом введения режима самоизоляции стало снижение оплаты труда: 40 % респондентов в онлайн-исследовании, проведенном НИУ ВШЭ, сообщили, что после начала эпидемии у них сократилась заработная плата; работники до 30 лет потеряли в заработках сильнее, чем работники среднего возраста, а те в свою очередь сильнее, чем работники старшего возраста [Гимпельсон, Капелюшников, 2020]. Пандемия привела и к значительным потерям в сфере занятости: работы лишились почти 10 %, а среди тех, кому удалось ее сохранить, свыше 30 % отметили, что после начала пандемии кто-то из членов их семей лишился рабочего места [там же].

Экономическое влияние пандемии ощутили на себе и наши информанты. Это неудивительно, ведь основными сферами подработки студентов в больших городах выступают предприятия торговли и услуг, которые были закрыты одними из первых.

Из-за того, что в некоторых магазинах повысились цены, это меня сейчас просто заставляет штудировать абсолютно все супермаркеты, которые существуют, которые все еще работают. Нужно найти те продукты, которые мне нужны, за самые небольшие деньги. (Ж., 2020)

Я не понимаю, что делать тем людям, которые остались без работы, в том числе и мне. У меня была подработка — закрыли место, где я работала, и я оказалась практически без денег. (Ж., 2020)

Плохо, потому что две недели нам платили, а сейчас, как третья неделя пошла карантина, нам теперь не будут платить. Ну как — минимальная ставка остается, там три тысячи за две недели. Ну, короче, будет мало по зарплате, денег не будет. (Ж., 2020)

Подводя итоги за год, прошедший с первой волны интервью, информанты отмечали, что они сами, их близкие или знакомые потеряли допандемийный доход или вовсе лишились работы, а также говорили о трудностях трудоустройства.

У меня у папы... много компаний разорилось за этот год, и он потерял клиентов. Получается, раз он потерял клиентов, то он потерял и заработок. Ну, какой-то процент заработка. То есть те люди вообще потеряли свои компании, кто-то потерял работу, а, ну, мы теряем, грубо говоря, доход. (Ж., 2021)

Мой парень работает. Рассказывал, что сокращения были. (Ж., 2021)

Пандемия... поспособствовала возникновению некоторых сложностей при... поиске работы. (Ж., 2021)

Другие, наоборот, смогли увеличить свой доход:

В период пандемии я начала шить маски, многоцветные, и неплохо на этом заработала, и поняла, что в принципе я могу. (Ж., 2021)

Те, кто в этот период не потерял работу или нашел ее, в своих высказываниях затрагивали вопросы, связанные с ее форматом:

Половину работы мы делаем очно (приходим на работу), а половину проводим дистанционно. (Ж., 2021)

Людям нельзя давать волю работать из дома, потому что они в конечном итоге очень сильно ленятся. (Ж., 2021)

Социальное мышление: как понять и принять эту турбулентность?

События 2020 г. также нанесли существенный удар по современному прагматичному и рациональному человеку, чье проектное мышление оказалось просто бесполезным в сложившихся условиях. Человек планировал и реализовывал проекты для достижения поставленных перед ним целей. Так, получение образования, семейный отдых, поездка в командировку и многое другое обдумывалось и организовывалось заранее. Пандемия изначально нарушила или отменила планы многих людей, но даже со временем и со снижением жестких карантинных мер планирование на длительную перспективу оказалось невозможным — человек был вынужден предполагать, не будучи уверенным до конца в том, удастся или нет достичь поставленной цели.

Характерной чертой в условиях пандемии стал рост неопределенности, в частности, в контексте непонимания границ — как долго это продлится, какие возникнут новые проблемы на фоне уже накапливающихся новых старых, насколько мы готовы к ним и в целом к сложившейся ситуации. Плановость и организация жизни были разрушены, «общество лишилось картины разделяемого представления о будущем, все стало непредсказуемо»³.

Я не уверена даже в завтрашнем дне, а что случится через три недели или даже пару месяцев... Не знаю, страшно об этом думать, видя эту всеобщую халатность [по отношению] к данной проблеме. (Ж., 2020)

Что же будет дальше? Когда это кончится? (Ж., 2020)

Не хватает побольше живого общения, прогулок, скорее еще уверенности в завтрашнем дне. (Ж., 2020)

Ряд исследователей указывает, что человечество оказалось в ситуации глобальной аномии, когда новые социальные нормы еще не закрепились, а направле-

³ Кузнецов Г. Пандемия как социальный эксперимент: как изменили мир два года ковида? // ВЦИОМ. 2022. 29 апреля. URL: <https://wciom.ru/expertise/pandemija-kak-socialnyi-eksperiment-kak-izmenili-mir-dva-goda-kovida> (дата обращения: 22.11.2022).

ние изменений индивидуальных практик было неопределенным. Так, Бенмагния Када отмечает, что время пандемии воспринимается как время аномии, телесных повреждений, слабых институтов и социального дисбаланса [Kada, 2021]. Однако большинство наших информантов не указывали на то, что попали в ситуацию безнормия и не знают, как себя вести в сложившейся ситуации. Они четко транслировали идеи необходимости изолироваться дома, носить маски в общественных местах, мыть руки и пользоваться санитайзерами. Образец «правильного» поведения был сформирован в их сознании: большая часть студентов говорили о том, что безответственно сознательно и без причины нарушать эти нормы.

Я, конечно, не высказываю бить таких людей, как в некоторых городах делают, но смотрю с подозрением и осуждением. Я сама надеваю маску. (Ж., 2020)

Вот, например, я стояла в аптеке в Якутске, стояла я в маске и 90 % людей тоже были в масках. Я чувствовала [себя] гораздо увереннее и более защищенной. В этот момент я поняла и прочувствовала, что есть какая-то общественная солидарность. (Ж., 2020)

Не испытывая особой привязанности к маскам и иным формам защиты, через год информанты указывают, что это стало нормой их повседневной жизни, это обычно и рутинно.

Ко всем различным нормам и правилам поведения в общественных местах также выработалась привычка и нет прежнего раздражения и недовольства от них. (М., 2021)

Адаптируясь ко все новым и новым условиям ограничений и контроля, человек испытывал постоянный стресс, зачастую не имея возможности для его снятия, что усиливало раздражительность и агрессию, когда, по мнению Александра Стризое, инстинктивное, бессознательное, слепое начали заявлять о себе как в индивидуальном, так и в социальном бытии [Стризое, 2021]. «Можно сказать, что горожане неожиданно для себя и, возможно, впервые в своей жизни открывают глубины своего социобиологического „Я“» [Покровский, Макшанчикова, Никишин, 2020: 61]. Руси Джаспал и Глинис Бриквелл указывают, что поскольку COVID-19 вызывал у людей экзистенциальный страх серьезного ущерба здоровью, при неуверенности и незащищенности порождающий социальное недоверие, ведь заразиться мог любой, такой «невидимый враг» обязательно будет связан с депрессией и тревогой [Jaspal, Breakwell, 2022].

Сложилась ситуация, когда, с одной стороны, наблюдалась нехватка общения, коммуникации, вынужденный отказ от личных контактов, с другой — отсутствие возможности побыть наедине с собой, появление психологической напряженности, возникающей вследствие длительного общения друг с другом в замкнутом пространстве и порождающей конфликтные ситуации.

Не хватает контакта с людьми, то есть такого вот очного общения. А с другой стороны, мне иногда наоборот хочется остаться одной, из-за того, что я с семьей постоянно, иногда мне хочется побыть одной. (Ж., 2020)

Спустя год информанты указывают на самые болезненные переживания, которые остались с ними:

Самое сложное для меня — это борьба с одиночеством и рутинной, ведь я привык к общению со своими друзьями, я привык, что в моей жизни регулярно происходит что-то новое, а тут я будто выпал из жизни. (М., 2021)

Сидела дома в пижаме, ничего не хотела, никуда не выходила. (Ж., 2021)

Несколько дней не краситься было абсолютно привычным для меня, а самым далеким выходом был выход в магазин. Сейчас я бы посчитала это ненормальным, хотя тогда это казалось чем-то естественным. (Ж., 2021)

Причем я уже настолько привыкла к некоторым вещам, что они кажутся уже сами собой разумеющимися. Например, перед выходом на улицу в арсенал моих вещей входят пропуск, наушники, телефон, ключи, плюс добавились обязательно маска, антисептик. (Ж., 2021)

Мои знакомые утверждают, что без масок чувствуют себя «голыми». (М., 2021)

«Общество риска» с его постоянной уязвимостью человека стало нашей повседневностью. Несмотря на негативные оценки самой пандемической реальности и ее последствий, пандемия может иметь и свои положительные стороны, такие как возможность получить новый опыт, которого не было, или он был минимален, как необходимость некоторой встряски, переосмысления жизненных целей:

Уменьшение общения позволило дольше находиться с собой наедине, в моей жизни стало больше тишины, что мне очень нравится. (М., 2021)

Стало гораздо комфортнее находиться наедине с собой. (Ж., 2021)

Я три раза красила волосы в разные цвета, сделала две татушки — вот так вот карантин сводит с ума. Ну, а если честно, то, возможно, карантин меня к этому и подтолкнул. Раньше я все не решалась, а потом подумала: «Когда, если не сейчас?». Ни о чем не жалею и всем советую. (Ж., 2021)

«Новый» мир после пандемии глазами информантов

Молодые люди научились жить в условиях пандемии, смогли адаптироваться к ним: «мы к этому хорошо адаптировались» (Ж., 2021). В высказываниях информантов нет единодушия: одни считают, что ничего не изменилось и вернуться к прежнему укладу жизни в той или иной степени практически удалось, другие — что «все изменилось и уже не будет как прежде, но эти изменения сейчас не особо заметны, потому что они стали привычными и особенно выделить что-то мне сейчас трудно» (Ж., 2021). При этом часть информантов указывает, что хоть жизнь до произошедших событий и была приятней и понятней (подавляющее большинство

опрошенных в первую волну исследования определенно говорили, что хотели бы вернуться к жизни «как раньше» — хотя уверенности, что это возможно, не было, — находя в новой повседневности больше негатива, что, на наш взгляд, прежде всего было связано с введением жестких ограничений), возвращение к ней не всех их порадует, так как терять приобретенный в пандемию личный опыт они не хотят (см. табл. 1).

Таблица 1. Трансформация оценок пандемии
(высказывания информантов, сделанные в разных волнах интервью)

<i>Да, хотелось бы вернуться к прежнему укладу. (Ж., 2020)</i>	vs.	<i>Пандемия дала неплохой такой пинок, дала возможность и тем, над чем можно подумать, поэтому я бы не стала возвращаться, это хороший опыт был. (Ж., 2021)</i>
<i>Да, очень... хочу вернуться именно к переживанию студенческой жизни, а не к сидению дома на парах. (М., 2020)</i>	vs.	<i>Нет, я не хочу возвращаться в жизнь до пандемии, потому что она была полна лишних людей, лишних социальных взаимодействий и всего такого прочего. (М., 2021)</i>
<i>Хотелось бы вернуться, потому что все же это очень страшная ситуация в мире. Хотелось бы, чтобы она закончилась. (Ж. 2020)</i>	vs.	<i>Мне бы не хотелось вернуться в «жизнь до пандемии», потому что многое изменилось к лучшему... Осознание ценности жизни человека и его времени позволили изменить многие аспекты жизни... Пандемия дала толчок к правильному развитию общества, заставила остановиться и взглянуть на проблемы под другим углом, вспомнить о влиянии человека на природу. (Ж., 2021)</i>

Заключение

Тотальная нестабильность и неопределенность в период пандемии затронула все аспекты жизни человека и общества (финансовые, социальные, политические и т. д.), перестраивая повседневность, ломая привычные уклад и образ жизни. Невзирая на то, что на сегодняшний день все коронавирусные ограничения сняты и общественное внимание сфокусировано на других проблемах, пандемия не исчезла из нашей жизни — ее влияние и последствия мы наблюдаем до сих пор.

В данной статье была предпринята попытка ответить на ряд вопросов о том, какие перемены произошли на уровне повседневной жизни студенческой молодежи. Суммируя полученные результаты, можно отметить следующее. Вызванные пандемией изменения затронули в первую очередь несколько аспектов повседневной жизни студентов в их взаимосвязи, что четко прослеживается в ответах информантов: мобильность (в контексте ограничения свободы передвижения и, как следствие, действий), социальное взаимодействие, в том числе трансформация семейных отношений, учебной и трудовой деятельности. Эти изменения повлияли и на восприятие сложившихся условий, и на возможность существования в них, и на необходимость форматирования привычных практик в физическом и социальном пространстве в контексте актуализированных пандемией повседневных смыслов и нового опыта в границах понимания «свободы — контроля». Несмотря на то, что эти новые практики были принудительно включены в повседневность,

многие из них сегодня стали привычными и рутинными. Тем не менее требуется время, чтобы понять, что останется с человечеством надолго, а что незаметно будет утеряно. Потому ставить точку еще рано — правильнее поставить многоточие и вернуться к оценке изменений, оставшихся с человечеством после пандемии COVID-19, через несколько лет. Основной вопрос, который сейчас должен стоять: какие из доковидных и приобретенных повседневных практик взять с собой в будущее и как лучше всего их объединить, найти баланс между доковидным и постковидным мирами.

Список литературы (References)

Алешковский И. А., Гаспаривили А. Т., Крухмалева О. В., Нарбут Н. П., Савина Н. Е. Студенты России об обучении в период пандемии COVID-19: ресурсы, возможности и оценка учебы в удаленном режиме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2. С. 211—224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>.

Aleshkovski I. A., Gasparishvili A. T., Krukhmaleva O. V., Narbut N. P., Savina N. E. (2021) Russian Students about Learning under the COVID-19 Pandemic: Resources, Opportunities and Assessment of the Distance Learning. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 21. No. 2. P. 211—224. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-211-224>. (In Russ.)

Андреева Ю. В., Лукьянова Е. Л. Стратегии занятости рабочих в период пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 271—289. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1882>.

Andreeva J. V., Lukyanova E. L. (2021) The Employment Strategies of Russian Workers during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 271—289. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1882>. (In Russ.)

Андреевкова А. В. Цифровизация социальных контактов среди студенческой молодежи в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 403—426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>.

Andreenkova A. V. (2020) Digitalization of Social Contacts among University Students in Russia during COVID 19. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 403—426. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1749>. (In Russ.)

Архипова А. С., Радченко Д. А., Козлова И. В., Пейгин Б. С., Гаврилова М. В., Петров Н. В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>.

Arkhipova A. S., Radchenko D. A., Kozlova I. V., Peigin B. S., Gavrilova M. V., Petrov N. V. (2020) Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>. (In Russ.)

Бегалинов А. С., Ашилова М. С., Бегалинова К. К. Об образе высшего образования в постковидную эпоху: формирование и развитие мышления нового порядка // *Science for Education Today*. 2021. Т. 11. № 1. С. 110—123. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2101.07>.

Begalinov A. S., Ashilova M. S., Begalinova K. K. (2021) On the Image of Higher Education in the Post-COVID World: Formation and Development of the New Type of Thinking. *Science for Education Today*. Vol. 11. No. 1. P. 110—123. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2101.07>. (In Russ.)

Болгова В. В., Гаранин М. А., Краснова Е. А., Христофорова Л. В. Образование после пандемии: падение или подготовка к прыжку? // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 7. С. 9—30. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30>.
Bolgova V. V., Garanin M. A., Krasnova E. A., Khristoforova L. V. (2021) Post-Pandemic Education: Falling or Preparing for a Jump? *Higher Education in Russia*. Vol. 30. No. 7. P. 9—30. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-9-30>. (In Russ.)

Гафуров И. Р., Ибрагимов Г. И., Калимуллин А. М., Алишев Т. Б. Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 10. С. 101—112. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-101-112>.

Gafurov I. R., Ibragimov H. I., Kalimullin A. M., Alishev T. B. (2020) Transformation of Higher Education During the Pandemic: Pain Points. *Higher Education in Russia*. Vol. 29. No. 10. P. 101—112. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-101-112>. (In Russ.)

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Рынок труда под натиском коронавируса. М.: Центр трудовых исследований НИУ ВШЭ, 2020. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения: 22.11.2022).

Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. (2020) Labour Market under the Pressure of Coronavirus. Moscow: Centre for Labour Market Studies, HSE University. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (accessed: 22.11.2022). (In Russ.)

Грунт Е. В., Беляева Е. А., Лисситса С. Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию // *Перспективы науки и образования*. 2020. Т. 47. № 5. С. 45—58. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.3>.

Grunt E. V., Belyaeva E. A., Lissitsa S. (2020) Distance Education during the Pandemic: New Challenges to Russian Higher Education. *Perspectives of Science and Education*. Vol. 47. No. 5. P. 45—58. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.3>. (In Russ.)

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. № 3. С. 84—107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>.

Denisenko M. B., Mukomel V. I. (2020) Labour Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 3. P. 84—107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>. (In Russ.)

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Самочувствие трудовых мигрантов в период пандемии: российский кейс // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2021. № 3. С. 74—82. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-06>.

Denisenko M. B., Mukomel V. I. (2021) The Well-Being of Migrant Workers during the Pandemic: The Russian Case. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*. No. 3. P. 74—82. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2021-3-06>. (In Russ.)

Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Влияние пандемии на изменение повседневных практик жителей Волгограда: гендерные различия (по итогам прикладного социологического исследования) // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 2. С. 95—109. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>.

Dulina N. V., Anufrieva E. V. (2021) Influence of the Pandemic on Change of Everyday Practices of Volgograd Residents: Gender Differences (Based on the Results of Applied Sociological Research). *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 2. P. 95—109. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>. (In Russ.)

Казун А. Д., Казун А. . Циклическая (де)проблематизация: освещение пандемии коронавируса в России на федеральном телеканале // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 284—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754>.

Kazun A. D., Kazun A. P. Cyclic (De)Problematization: Coverage of the Coronavirus Pandemic in Russia on a Federal TV Channel. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 284—306. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1754>. (In Russ.)

Климов И. А., Климова С. Г. Опыт перехода российских компаний на удаленную работу в ситуации пандемии // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 50—60. <https://doi.org/10.31857/S013216250014470-0>.

Klimova S. G., Klimov I. A. (2021) Experience of Russian Companies in Transition to Remote Work in the Pandemic Situation. *Sociological Studies*. No. 7. P. 50—60. <https://doi.org/10.31857/S013216250014470-0>. (In Russ.)

Костина Е. Ю., Орлова Н. А. «Новая нормальность» образовательных практик студенческой молодежи в реалиях пандемии коронавируса // Высшее образование в России. 2022. № 4. С. 42—59. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-4-42-59>.

Kostina E. Yu., Orlova N. A. (2022) “New Normal” of Students’ Educational Practices in the Coronavirus Pandemic Reality. *Higher Education in Russia*. No. 4. P. 42—59. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-4-42-59>. (In Russ.)

Крокинская О. К. Университетские преподаватели в условиях пандемии: травматический социальный опыт дистанционного обучения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 4. С. 59—89. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.3>.

Krokinskaya O. K. (2021) University Professors in Pandemic Conditions: Traumatic Social Experience of Distance Learning. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 24. No. 4. P. 59—89. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.3>. (In Russ.)

Крушельницкая О. Б., Маринова Т. Ю., Погодина А. В., Расходчикова М. Н., Толстых Н. Н. Нормативное поведение в ситуации пандемии COVID-19: как добиться его соблюдения у студентов? // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 198—221. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120113>.

Krushelnitskaya O. B., Marinova T. Yu., Pogodina A. V., Raskhodchikova M. N., Tolstykh N. N. (2021) Regulatory Behavior in the COVID-19 Pandemic: How to Get Students to Comply with It? *Social Psychology and Society*. Vol. 12. No. 1. P. 198—221. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120113>. (In Russ.)

Леонтьева Е. Ю., Леонтьев А. Н. Карантинное осмысление некоторых метафизических проблем // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 2. С. 7—14. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.1>.

Leontieva E. Yu., Leontiev A. N. (2021) Quarantine Comprehension of Some Metaphysical Problems. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 2. P. 7—14. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.1>. (In Russ.)

Обухов А. С., Томилина М. В. Развитие цифровых образовательных технологий в России до пандемии: история и особенности индустрии EdTech // *Информатика и образование*. 2021. № 8. С. 52—61. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-8-52-61>.

Obukhov A. S., Tomilina M. V. (2021) The Development of Digital Educational Technologies in Russia before the Pandemic: History and Peculiarities of the EdTech Industry. *Informatics and Education*. No. 8. P. 52—61. <https://doi.org/10.32517/0234-0453-2021-36-8-52-61>. (In Russ.)

Певная М. В., Кульминская А. В., Широкова Е. А., Шуклина Е. А. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 3. С. 492—510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>.

Pevnaya M. V., Kulminskaya A. V., Shirokova E. A., Shuklina E. A. (2021) Volunteering Youth during the Pandemic: A Portrait of a Hero of a Difficult Time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 492—510. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1930>. (In Russ.)

Подвойский Д. Г., Спиркина А. К. Общество в маске и перчатках под микроскопом социологии повседневности: беглый взгляд // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 2. С. 315—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805>.

Podvoyskiy D. G., Spirkina A. K. (2021) “Masked” and “Gloved” Society under the Microscope of the Sociology of Everyday Life: A Quick Look. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 315—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1805>. (In Russ.)

Покровский Н. Е., Макшанчикова А. Ю., Никишин Е. А. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // *Социологические исследования*. 2020. № 12. С. 54—64. <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>.

Pokrovsky N. Ye., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A. (2020) Reverse Migration in Pandemic Crisis: Russia’s Out-of-Town Spaces as an Adaptation Resource. *Sociological Studies*. No. 12. P. 54—64. <https://doi.org/10.31857/S013216250010726-1>. (In Russ.)

Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138—143. <https://doi.org/10.31857/S013216250009481-2>.

Reshetnikov A. V., Prisyazhnaya N. V., Pavlov S. V., Vyatkina N. Yu. (2020) Perception of the COVID-19 Pandemic by Moscow Residents. *Sociological Studies*. No. 7. P. 138—143. <https://doi.org/10.31857/S013216250009481-2>. (In Russ.)

Стризов А. Л. Вызов социальной изоляции: российский контекст // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 2. С. 65—73. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.8>.

Strizoe A. L. (2021) The Challenge of Social Isolation: The Russian Context. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 2. P. 65—73. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.8>. (In Russ.)

Тартаковская И. Н. Доверие перед лицом пандемии: в поисках точки опоры // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 68—89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8087>.

Tartakovskaya I. N. (2021) Trust in the Face of a Pandemic: In Search for a Common Ground. *Sociological Journal*. Vol. 27. No. 2. P. 68—89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.2.8087>. (In Russ.)

Тюменцева Е. В., Харламова Н. В., Годенко А. Е. Проблемы обучения иностранных студентов в условиях пандемии // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 149—158. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-158-167>.

Tyumentseva E. V., Kharlamova N. V., Godenko A. E. (2021) Problems of Teaching Foreign Students under Conditions of the Pandemic. *Higher Education in Russia*. Vol. 30. No. 7. P. 149—158. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-7-158-167>. (In Russ.)

Фролова Е. В., Рогач О. В. Специфика восприятия студентами процессов цифровизации образования: осмысление опыта онлайн-обучения в условиях пандемии // Перспективы науки и образования. 2021. № 3. С. 43—54. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.3>.

Frolova E. V., Rogach O. V. (2021) Particularities of Students' Perceptions of the Digitalization of Education: Comprehending the Experience of Online Learning in a Pandemic Environment. *Perspectives of Science and Education*. No. 3. P. 43—54. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.3>. (In Russ.)

Храмова М. Н., Маншин Р. В. Международная миграция в эпоху пандемии COVID-19 // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 159—162. <https://doi.org/10.31857/S013216250013754-2>.

Khramova M. N., Manshin R. V. (2021) International Migration During the COVID-19 Pandemic. *Sociological Studies*. No. 2. P. 159—162. <https://doi.org/10.31857/S013216250013754-2>. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шаповская Л. Л. Преподавательский труд в условиях пандемии: академический неолиберализм и эмоционализация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 155—178. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1924>.

Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2021) Teaching During a Pandemic: Academic Neoliberalism and Emotionalization. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 155—178. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1924>. (In Russ.)

Askarizad R., He J. (2022) Post-Pandemic Urban Design: The Equilibrium Between Social Distancing and Social Interactions Within the Built Environment. *Cities*. Vol. 124. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2022.103618>.

Bender Sh., Florentine E., Isralowitz R. (2021) Medical Students on the Front Line of COVID-19. *Journal of Loss and Trauma*. Vol. 26. No. 5. P. 504—506. <https://doi.org/10.1080/15325024.2020.1808362>.

El Khateeb S., Shawket I. M. (2022) A New Perception; Generating Well-Being Urban Public Spaces after the Era of Pandemics. *Developments in the Built Environment*. Vol. 9. <https://doi.org/10.1016/j.dibe.2021.100065>.

Jaspal R., Breakwell G. M. (2022) Socio-Economic Inequalities in Social Network, Loneliness and Mental Health during the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Social Psychiatry*. Vol. 68. No. 1. P. 155—165. <https://doi.org/10.1177/0020764020976694>.

Kada B. (2021) The New Coronavirus: The Anomia Phenomenon: An Approach to the Impact of the Pandemic on Social Media Networks. *Contemporary Arab Affairs*. Vol. 14. No. 1. P. 34—50. <https://doi.org/10.1525/caa.2021.14.1.34>.

Kolomak E. (2020) Economic Effects of Pandemic-Related Restrictions in Russia and Their Spatial Heterogeneity. *R-Economy*. Vol. 6. No. 3. P. 154—161. <https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.3.013>.

Žižek S. (2020) *Pandemic! COVID-19 Shakes the World*. New York, NY: OR Books. <https://doi.org/10.2307/j.ctv16t6n4q>.